

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
П54

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Еврейского музея и Центра толерантности*

Полянскова Л. Ю.

П54 Формирование нового социокультурного облика крестьянства Среднего Поволжья в период нэпа / Людмила Полянскова. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 239 с. : ил. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2173-9

Книга посвящена сложному процессу формирования нового социокультурного облика крестьянства Среднего Поволжья в период нэпа, его ключевым акторам: советскому государству с проводимой им в означенной области политикой и самому крестьянству, являвшемуся одновременно объектом и субъектом этого формирования, а также результатам этого процесса, промежуточным в историческом масштабе. Выбранный для исследования регион с безусловным доминированием крестьянского населения, равно как по стране в целом, является в этом смысле типичным и показательным. Автор рассматривает период нэпа как целостный, хотя и противоречивый, хронологически заданный и идеологически конечный этап социокультурного масштабирования, проектирования и практики в рамках беспрецедентного проекта по формированию человека нового типа.

Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся советской историей.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2173-9

© Полянскова Л. Ю., 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемый читатель, эта книга написана человеком, влюбленным в предмет своего исследования – в период нэпа. Прошу прощения за банальность аналогии, но если бы была изобретена машина времени и мне представилась возможность отправиться в историческое путешествие, не раздумывая, выбрала бы 1920-е гг. На означенную на обложке тему была защищена кандидатская диссертация, материал которой стал базой для книги. Любовь сложно объяснить, но чувствую необходимость это сделать, поскольку речь идет о любви научной, а в этой области рефлексия бывает чрезвычайно полезна.

Нэп являет собой целостный этап социокультурного развития, не лишенный внутренних противоречий в силу социальной пестроты населения, заимствований из наследия исторического прошлого и переплетений различных систем ценностей. Этот этап является базовым пластом в процессе многолетнего формирования мировоззрения, нравственного, культурного облика человека XX и XXI вв. В 1920-е гг. молодое советское государство вступило в фазу построения нового социального и культурного порядка, а также новой системы личностных ценностей на пути к формированию образа человека коммунистической эпохи.

Социокультурные характеристики советского общества в период нэпа не были статичными, они динамично развивались, откликаясь на экономико-политические процессы в стране. В конечном счете, они органично вплелись в социокультурный облик современного человека – гражданина демократической России, который нельзя рассматривать вне контекста его исторического прошлого. А поскольку крестьянство являлось классом-доминантом в социальной структуре как дореволюционной, так и постреволюционной России (на начало 1920-х гг. из 136,8 млн человек общей численности населения 116 млн проживало в деревнях), обладало рядом уникальных, классово-самобытных черт, отличающих его от гегемона революции – рабочего класса, выявление специфических черт и новых примет в его социокультурном облике, особенностей государственной политики,

методов и результатов ее осуществления в социальной и культурной сферах жизни деревни в период нэпа представляется весьма актуальным. Слова С. Ю. Витте – выдающегося российского государственного деятеля – звучат актуально и по сей день: «Вся будущность русской земли, вся история настоящая и будущая России связана с интересом, бытом и культурой крестьянства»¹.

Сейчас, когда за плечами годы увлекательных исследований, работы в архивах, мы можем сказать, что мероприятия нэпа в социокультурной сфере стали своеобразной критической массой для смены культурной традиционности крестьянского населения культурной мобильностью. И политическая окраска этой мобильности – не главное. Политика по формированию нового типа крестьянина – советского крестьянина – явилась первопричиной мобильности, толчком к движению со старта, на котором деревня топталась уже долгие десятилетия. Период нэпа стал катализатором, ускоренной, спровоцированной эволюцией социокультурного облика крестьянства.

Менялась, ускорялась жизнь – деревня вторила этим изменениям, политическим, культурным, прочим. Не бездумно копируя, а осторожно воспринимая и адаптируя до органически усваиваемого продукта. И, нужно сказать, что вкусы деревни тоже трансформировались. Потому уверенно заключаем, что никакого «формирования» не получилось бы, если бы крестьянство само, как целостный организм, при всей условности означенной целостности, не было готово и не ждало великих перемен. Как увидит уважаемый читатель по ходу изложения, в отдельных сферах жизни перемены оборачивались драмой, но в итоге КПД произошедших изменений оказался чрезвычайно высок. Таким образом, формирование нового социокультурного облика крестьянства рассматривается нами как процесс двусторонний: мероприятия власти плюс отклик на них со стороны деревни.

Чтобы понять исторические процессы, необходимо оперировать психологическим, а точнее – человеческим инструментарием, не откладывая его в сторону, не пренебрегая им ради чисто научных методов. Мы же не хотим получить мертвую науку: нет ничего хуже и страшнее мертвой истории. В силу того, что тема чрезвычайно «живая», без эмпатии здесь не обойтись. Помни об этом, читатель!

Опыт нэпа показывает, что попытки реформирования деревни и анализ политических неудач в этой области должны базироваться на качественном осмыслении соотношения традиций и новаций в крестьянском укладе, на идентификации крестьянина не только как объ-

¹ Витте С. Ю. Избранные воспоминания (1849–1911). М., 1991. С. 535.

екта государственного воздействия, но и как инициативного субъекта, способного оказывать решительное влияние на политику властей. Об этом важно помнить и сегодня, когда судьба российской провинциальной деревни выглядит весьма печально из-за ограниченности предлагаемых перспектив развития.

Теперь о том, что будет в книге. В ее рамках мы обратимся к основным направлениям политики нэпа в социокультурной сфере, их реализации и результатам для того, чтобы определить, каким образом они повлияли на социокультурный облик крестьянства Среднего Поволжья, показать характер, глубину, масштабность этого влияния и сформировать целостное представление о социокультурном облике средневожского крестьянства 1920-х гг., о соотношении в нем устойчивых традиционных черт и новаций нэповского периода. Портрет советского крестьянина получится очень динамичным, как и сам период нэпа – одна тенденция сменяет другую. Потому будет большой ошибкой попытаться представить его статичный отгиск: сразу улетучится историческая правда жизни.

Специфика исследуемой темы обусловила необходимость обращения к историческим фактам предшествующего периода для осмысления социокультурных процессов в динамичном развитии, для установления их самобытности и уникальности в период нэпа, а также для определения особенностей государственной политики 1920-х гг., методов и результатов ее осуществления.

Мы осознаем определенную внутреннюю неоднородность изучаемого периода, обусловленную совокупностью объективных и субъективных причин экономического и политического характера, но в то же время настаиваем на его целостности с точки зрения основных условий, факторов, определяющих изменения традиционной психологии средневожского крестьянства.

Требуется разрешить еще один вопрос: почему исследование посвящено именно Среднему Поволжью? Во-первых, это один из основных сельскохозяйственных районов страны, включающий в себя территорию сегодняшних Самарской, Пензенской и Ульяновской областей. Обращение к историческому прошлому региона обусловлено общностью происходивших здесь социокультурных процессов, вытекающей из относительного единообразия географических, социально-экономических условий, исторического развития и этнического состава населения.

Кроме того, крестьянство было доминирующим классом в социальной структуре региона, являвшегося, по выражению выдающегося этнографа В. Г. Тан-Богораза, «Россией номер два», хотя и отдаленной от железной дороги на полсотни и более верст, но аб-

солотно похожей на «Россию придорожную»¹ по характеру после-революционных процессов, протекавших здесь лишь с некоторым запозданием. Доля сельского населения региона превышала аналогичные показатели по СССР и РСФСР, составляя 88,6 %. Такой состав роднит социальные портреты региона и государства в целом, позволяет проследить на примере Среднего Поволжья возникновение и развитие тенденции «традиция – новация» в социокультурном облике крестьян под влиянием нэпа. Однако «похожесть» Среднего Поволжья на Центральную Россию не исключает его особенностей. Обращение к крестьянству Среднего Поволжья поможет установить «классовую» и региональную специфику осуществления нэпа в социокультурной сфере и ее результата – социокультурного портрета крестьянства 1920-х гг.

А еще территориальные границы исследования обусловлены «дочерним» интересом, с которым младшее поколение рассматривает старые семейные фотоальбомы, поскольку средневолжский регион – это малая родина автора этих строк.

Регион представлял собой исторически сложившийся симбиоз народов с высоким удельным весом нерусского населения. Особенностью сельской местности Среднего Поволжья являлось отсутствие четких границ расселения различных этнических групп. Поэтому в рамках предлагаемого исследования национальные черты органично вплетены в социокультурный облик крестьянства Среднего Поволжья.

¹ Старый и новый быт / под ред. В. Г. Тан-Богораза. М., 1924. С. 5.

Глава I

ИСТОЧНИКОВАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

§ 1. Источниковая и методологическая база исследования

Поскольку «одежкой», по которой встречают научную работу, является источниковая база, с нее и начнем. Написание этого исследования потребовало привлечения широкого круга разнообразных источников. Среди них многочисленные архивные материалы, периодическая печать, сборники документов и статистики. В общей сложности автором были проанализированы материалы, содержащиеся в 50 фондах 3 центральных, 5 региональных архивов и 2 фондах Пензенского Государственного краеведческого музея (ПГКМ). Многие из проанализированных документов были впервые введены в научный оборот.

Материалы архивных фондов содержат значительное число официальных документов, обладающих определенной тенденциозностью. Последнее обстоятельство всегда следует учитывать, если нет цели строить «потемкинские деревни» от науки. Особый научный интерес и ценность для объективности исследования имеет использование документов, хранившихся под грифом «секретно» и «совершенно секретно».

Следует отметить, что документы по исследуемой теме, касающиеся Среднего Поволжья, в центральных архивах представлены, главным образом, отчетами о работе, справками, протоколами заседаний местных советских учреждений. Преобладают сведения статистического характера; исследование затрудняет нерегулярный характер отчетности.

Для данной работы информативными и содержательными оказались материалы местных архивов. Так, например, о религиозных воззрениях крестьян помогают судить материалы обследования, проведенного Пензенским губернским Советом Союза безбожников, хранящиеся в фонде П-36 Государственного архива Пензенской об-

ласти (ГАПО). В этом же фонде содержатся материалы комплексно-го обследования жизни и быта сельских жителей Пензенским губкомом ВКП(б). Они отражают состояние культурно-просветительной сети пензенских деревень (школ, библиотек, изб-читален), работу по ликвидации неграмотности, настроения, социокультурную психологию крестьян. Эти сведения позволили смоделировать многогранный и противоречивый культурный облик деревни, выяснить соотношение в нем традиционных и новаторских черт.

Герменевтический анализ материалов фондов местных архивов помог воссоздать атмосферу настроений крестьян по отношению к политике советской власти в деревне. Сведения, почерпнутые из архивов, были использованы для анализа степени открытости и восприимчивости крестьянского населения к внедряемым советским государством новациям в культурную сферу деревенской жизни.

Важным по своей информативности источником являются письма крестьян, селькоров, избачей. Их научная ценность и значимость заключаются в неофициальном характере, обилии сведений, дающих возможность судить о взглядах, представлениях, психологии крестьян региона, их отношении к действующей власти в центре и на местах, к проводимой ею политике, о проблемах и трудностях культурно-просветительной работы на селе.

В письмах сельчан в редакцию «Крестьянской газеты» [Ф. 396 Российского государственного архива экономики (РГАЭ), газеты «Безбожник» (Ф. Р-5407 Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)], нашли свое отражение изменения в социокультурной сфере жизни деревни, соотношение традиционно-бытовой и новационной культуры, отношение крестьян к вопросам религии, образования, здравоохранения, брака и семьи.

Эмоциональный настрой и характер исследованной крестьянской корреспонденции различен: от оптимистичных восхвалений до конструктивной критики и жалоб, что было связано с различным отношением авторов к советской власти и тем, насколько их политические представления совпадали с линией действующей власти. В этом смысле с особой критичностью следует подходить к публикациям и письмам селькоров – наиболее лояльно настроенной к действующей власти части крестьян. Научная ценность и уникальность этой группы источников состоит в свободном выражении субъективной позиции крестьян как самоценных единиц социокультурного измерения. Не могут не восхищать эпизодические, стихийные и искренние проявления торжества революционной свободы нэповского периода в ряде сфер общественной жизни, сменившиеся вскоре поступательным движением по идеологически выверенному и определенно за-

данному маршруту к счастливому будущему, где не было места стигматизации, а за кажущейся спонтанностью крылся точный расчет. Это было время относительной идеологической и культурной свободы, как в 1990-е, да простят мне сравнение.

Еще одна самобытная группа источников, субъективный характер которых одновременно является достоинством и недостатком, – мемуары сельчан нэповского периода. Их несомненным плюсом является воссоздание живой картины сельской жизни, деталей быта, духа эпохи на примере социокультурного пространства отдельной семьи. Факты, почерпнутые из этого источника – иллюстрации, примеры исторического прошлого, помогающие эмоциональному вчувствованию в происходившее и осмыслению эпохи.

Однако, обращаясь к мемуарам, мы априори предполагали возможность вольного (в целях политкорректности) и невольного (за давностью описываемых событий) субъективного искажения авторами исторической действительности. Для установления последней в возможно более полном объеме нами привлекались источники других видов, осуществлялся их контент-анализ.

В книге приводятся отрывки из воспоминаний Ольги Васильевны Лебедевой – сестры жены В. В. Кураева, хранящиеся в ГАПО. Ее записи ценны эмоционально яркими и колоритными описаниями бытовой стороны жизни крестьянской семьи Пензенской губернии.

Особую группу источников составляют фотоматериалы, находящиеся в фотофондах ГАПО и ПГКМ, периодических изданиях нэповского периода, часть которых помещена в разделе «Приложение». С помощью фотографий мы постарались проиллюстрировать различные грани социокультурного измерения: ликвидацию неграмотности среди крестьян, культурно-просветительную работу в деревне, бытовую сторону жизни средневожских сельчан.

Информационно ценными являются материалы социологических обследований деревень, содержащиеся в фондах ПГКМ. Данные анкетного обследования, проведенного этнологическим отделением Российской академии истории материальной культуры «О влиянии войны на быт населения», касаются различных сторон крестьянской жизни: питания, бытовых условий, одежды, обуви, религиозных представлений, трудовой деятельности.

Анализ этих сведений позволил дать характеристику состояния сельской культуры середины 1920-х гг. и сделать выводы о произошедших под влиянием нэпа изменениях в социокультурном облике крестьян региона. Национальные особенности, о которых можно судить по анкетным данным, нашли отражение в контексте изучаемых вопросов исследования. О быте мордовского населения Пензенской

губернии позволяют судить дневниковые записи Н. И. Спрыгиной, Б. Н. и А. Н. Гвоздевых, хранящиеся также в ПГКМ.

Ценным источником являются материалы периодической печати времен нэпа. Нами были проанализированы центральные и региональные газеты: «Правда», «Беднота», «Трудовая правда», «Новая деревня», «Бюллетень Наркомздрава» и др., материалы которых помогли в определении приоритетных направлений нэпа в социокультурной сфере в общероссийском и местном масштабах, в установлении специфики преломления государственной политики на региональном уровне, выявлении причин региональных особенностей социокультурного облика крестьянства Среднего Поволжья.

Однако, оперируя сведениями периодики, строя на их основе научные гипотезы и выводы, мы учитывали определенную тенденциозность подборки материалов советских изданий, их идеологическую и политическую направленность, пропагандистский характер. Минусом публикаций 1920-х гг., который пришлось восполнять, обращаясь к другим источникам, является избирательность в освещении социокультурной политики и ее результатов, поверхностное, некритичное их рассмотрение, революционно-поэтический дух восприятия и описания фактов нэповской действительности, амбициозное стремление представить самые скромные и порой неоднозначные результаты практической деятельности как безусловные победы молодого советского государства и общества. Это была умышленная позиция авторов 1920-х, вызванная опьянением революционными победами, а также искренней верой и желанием скорейшего расширения их масштабов.

Объективной оценке современниками социокультурной реальности 1920-х гг. препятствовала также одномоментность переживания и анализа, отсутствие временного интервала между этими процессами, необходимого для непредвзятого взгляда на события прошлого, относительной самостоятельности автора по отношению к ним, что не исключало практику критической оценки повседневности в режиме реального времени. Критичный и избирательный подход к источникам помог учесть названные минусы.

Статьи задействованных в исследовании журналов периода нэпа: «Красный библиотекарь», «Клуб и революция», «Клубная сцена», «Коммунистка», «Революция и культура», «Антирелигиозник», «Коммунистическое просвещение», «На фронте здравоохранения» и др. – ценны опубликованными мнениями и суждениями государственных деятелей, специалистов (культпросветчиков, учителей, культурных шефов, медицинских работников) по тем или иным вопросам социокультурной жизни, в том числе в региональном масштабе, а также статистическими данными. Мы старались учесть, что для

журнальных статей тех лет характерны те же минусы, что и для газетных публикаций.

Особый интерес для характеристики государственной политики в социальной и культурной сферах представляют правовые источники (законодательные акты, циркуляры, декреты, постановления, распоряжения)¹. Данные нормативные акты позволяют проследить динамику советской политики в исследуемой сфере, а их сопоставление с данными архивов и периодической печати позволяют судить об эффективности и результативности директивных решений в рамках региона.

Среди опубликованных источников, нашедших отражение в книге, – документы и материалы общероссийских и местных статистических сборников². Следует отметить, что данные официальной статистики 1920–1930-х гг. противоречивы и представлены избирательно. Несомненным достоинством статистических сборников последнего двадцатилетия является наличие в них ранее закрытых и секретных

¹ ВЛКСМ в резолюциях съездов и конференций (1918–1928). М.; Л., 1929; Декреты Советской власти: в 15 т. Т. 4, 7. М., 1968; Директивы ЦК ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. за 1917–1947 гг. / сост. Н. И. Болдырев. Вып. 1. М.; Л., 1947; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986 гг.): в 15 т. (1922–1929 гг.). Т. 3, 4. М., 1984; Культурное строительство в РСФСР: Док. и мат. (1921–1927) / сост. Л. И. Давыдова и др. Т. 1, ч. 2. М., 1984; Культурное строительство в СССР 1917–1927 гг. Разработка единой государственной политики в области культуры: док. и мат. / сост. Т. Ю. Красовицкая. М., 1989; Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958; Сборник действующих законов по здравоохранению. Вып. 2. М.; Л., 1930; Сборник циркулярных распоряжений и постановлений по работе среди рабочих и крестьянок, партийных, советских, профессиональных и кооперативных органов на 1925 г. М., 1925; Хрестоматия по истории Отечества, государства и права. М., 1994; и др.

² Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М., 1989; Достижения культуры – народу. Культурное строительство в Ульяновской области 1917–1975 гг.: док. и мат. Саратов, 1979; КПСС о культуре, просвещении, науке: сб. док. М., 1963; Культурное строительство в Куйбышевской области. 1917–1937 гг. / сост. Л. И. Биргер. Куйбышев, 1979; Культурное строительство в Пензенском крае 1917–1938: док. и мат. / сост. В. С. Годин и др. Саратов; Пенза, 1986; Культурное строительство в РСФСР: док. и мат. (1921–1927) / сост. Л. И. Давыдова и др. Т. 1, ч. 2. М., 1984; Культурное строительство в СССР 1917–1927 гг. Разработка единой государственной политики в области культуры: док. и мат. / сост. Т. Ю. Красовицкая. М., 1989; Наследие. Культура Пензенского края в документах эпохи, письмах и мемуарах современников, статьях и художественных произведениях / сост. К. Д. Вишневский, Н. М. Инюшкин. Пенза, 1994; Наш край: док. и мат. 1917–1974: в 2 ч. Ульяновск, 1977; Пензенский край 1917–1977 гг.: док. и мат. Саратов, 1982; Самарское Поволжье в XX веке: сб. док. и мат. / сост. П. С. Кабытов. Самара, 2000; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: док. и мат. / под ред. А. Береловича, В. Данилова: в 4 т. 1923–1929. Т. 2. М., 2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док. и мат.: в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999; Всесоюзная перепись населения 1926 года: Краткие сводки. Вып. V. М., 1928; Культурное строительство в СССР: стат. сб. М., 1956; и др.

информационных писем, обзоров и отчетов, проливающих свет на реакцию крестьянского населения на мероприятия советского государства в деревне, помогающих оценить значение фактора государственного воздействия на социокультурный облик крестьянства и действительные результаты нэповской политики.

Информационно ценными для исторической достоверности исследования являются опубликованные заявления, жалобы, доносы, письма советских граждан в государственные структуры и большевистским вождям¹.

Для осмысления сущности, целей и задач государственной политики в социокультурной сфере, а также проблемы взаимоотношений крестьянства и власти, важную роль сыграли произведения и речи В. И. Ленина, Н. К. Крупской, И. В. Сталина, А. В. Луначарского, Н. И. Бухарина, Л. Д. Троцкого². В их работах разрабатывались вопросы теории и практики культурной политики: какой быть культуре социалистического общества, какой быть культуре крестьянства и как достигнуть запланированных результатов.

Совокупность перечисленных источников обеспечила документальную базу данного исследования.

Теперь пришло время рассказать, как писалась работа. Речь пойдет о методологической основе, базирующейся на ряде системообразующих принципов. Исходным является социокультурный принцип, позволивший по возможности воссоздать облик советского крестьянства исследуемых губерний в полноте и многообразии как результат сложного переплетения, взаимопроникновения, взаимообусловленности и взаимовлияния комплекса экономических, политических, демографических и прочих факторов, претерпевших уникальное преломление через коллективное сознание крестьян как особой социальной группы населения. На этой основе осуществлялся анализ источников и документов, что позволило повысить их информативность.

Еще одним основополагающим принципом исследования стал принцип объективности, заключающийся во всестороннем, критиче-

¹ Письма во власть 1917–1927 гг. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 3, 12, 36, 37, 42, 43, 45, 52. М., 1970; Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 7, 8. М., 1959; Сталин И. В. Об очередных задачах партии в деревне (22 октября 1924) // Сочинения. Т. 6. М., 1952; Он же. Октябрь. Ленин и перспективы нашего развития // Сочинения. Т. 7; Луначарский А. В. Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. М.; Л., 1927; Бухарин Н. И. Революция и культура. Статьи и выступления 1923–1956 гг. М., 1993; Троцкий Л. Д. Вопросы культурной работы. М., 1924.

ском анализе различных видов источников и исторических фактов периода нэпа. Для успешного достижения цели исследования были использованы социально-антропологический и культурологический подходы. Первый из них позволил представить крестьянина как культурно-исторического субъекта социокультурных преобразований, носителя уникальной социальной культуры в условиях определенной социокультурной обстановки. Второй помог через отношение к культуре, к различным ее проявлениям понять глубинные причины восприятия крестьянским населением политики нэпа.

Методологической основой настоящей работы выступил принцип применения различных методов исследования. Применялись разнообразные общенаучные методы: статистического, диахронного, логического анализа, синтеза, обобщения, системного подхода, – позволившие измерить исторические явления как в количественном, так и в качественном отношении, осуществить сопоставление и выявить региональную специфику социокультурного облика крестьян Среднего Поволжья. Применение общенаучных методов позволило выделить основные результаты социокультурной политики советского государства в определенный причинно-следственный ряд.

Большое значение имело использование метода историзма и специальных методов исторического познания, среди которых компаративный (сравнительный) метод, при применении которого социокультурные процессы, происходившие в средневожской деревне под влиянием нэпа, сопоставляются с традиционно-бытовой культурой сельского населения региона, что позволяет полнее раскрыть их сущность и специфику.

Использование метода историзма позволило проследить влияние политики государства на социокультурный облик крестьянства на протяжении всего периода нэпа, их взаимосвязь, а также установить соотношение традиционно-бытовых и новационных черт в культурном облике средневожского крестьянства.

При разработке темы также были задействованы проблемно-хронологический, диалектический методы, метод герменевтического анализа. Использование метода герменевтического анализа помогло определить общий исторический фон, дух времени, в котором происходили изучаемые процессы.

На основании логического метода удалось установить причинно-следственные связи между основными направлениями нэпа в социальной, культурной сферах и изменениями в социокультурном облике средневожского крестьянства. Использование логического метода позволило определить структуру работы, выбрать оптимальные пути получения знаний, осуществить отвечающий цели и зада-

чам исследования отбор источников и исторических фактов, выявить ключевые проблемы темы, выстроить научные гипотезы, сформулировать выводы работы.

В процессе исследования перечисленные методы использовались автором в совокупности для комплексного подхода к цели. В основе – эмпатия, о значении которой речь шла выше.

Несколько слов необходимо сказать о теоретических основах исследования. Основопологающим в работе является понятие социокультурного облика крестьянства. Оно довольно часто используется в научной литературе, когда авторы подчас полагаются на интуитивное осмысление его значения читателями. Однако общепризнанного определения социокультурного облика не сложилось. Поэтому представляется необходимым раскрыть его применительно к настоящему исследованию.

Под социокультурным обликом понимается система культурных взглядов, представлений, норм и ценностей определенной социальной группы населения (крестьянства), нашедших материальное и поведенческое отражение. В книге в качестве ключевых характеристик социокультурного облика крестьянства рассматриваются религиозные взгляды крестьян, уровень их образованности (складывающийся из показателей грамотности, общего кругозора) и санитарно-бытовой культуры сельского населения.

Названным характеристикам соответствовали магистральные направления советской политики в культурной сфере, направленные на формирование нового социокультурного облика крестьянства в период нэпа.

И еще один важный вопрос. Возможно, уважаемый читатель успел понеоумевать, созерцая привычный НЭП, написанным строчными буквами, и попенять автору за неграмотность. Однако не спешите с выводами. Позиция намеренная и вот почему. Вслед за современными историками мы понимаем нэп как явление не только экономическое, но и политическое, а также социокультурное. Изначально нэп задумывался именно как экономическая политика, однако ее практическая реализация прямо и косвенно затронула все сферы общественной жизни, повлекла трансформацию традиционного мировоззрения и обнаружила необходимость повышения культурного уровня населения. Поэтому нэп стал особой моделью экономического, политического и социокультурного развития. С позиций исследования политическая и экономическая составляющие нэпа рассматриваются как условия, в которых реализовывалась социокультурная политика советского государства, повлиявшие на ее результаты. Нэп в нашем понимании – не аббревиатура, а самодостаточное, полноценное поня-

тие. Не образованное искусственно, не нарочито придуманное слово в научном новоязе, а понятие, отражающее суть эпохи 1920-х.

§ 2. Историография проблемы

Прежде чем обратиться к основной части книги, следует уделить внимание имеющемуся исследовательскому заделу по рассматриваемой теме. Проблемы, касающиеся социокультурной политики советского государства в средневожской деревне в годы нэпа, являются органичной частью истории советской доколхозной деревни. Это нашло отражение в характере исследовательских работ по данной проблематике.

По степени внимания к вопросам социокультурной политики в деревне, характеру конкретных исследовательских задач, особенностям источниковой и методологической базы в историографии проблемы можно выделить четыре этапа. Первый – 1920-е гг.; второй – 1930 – середина 1950-х гг.; третий – середина 1950 – середина 1980-х гг.; четвертый – с середины 1980-х гг. по настоящее время.

Первый период представлен выступлениями и трудами государственных и политических деятелей¹, статьями, сборниками и книгами статистиков, экономистов, публицистов, партийных, советских работников², в центре внимания которых оказывались как социаль-

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1970; Крупская Н. К. О культурно-просветительной работе // Избр. ст. и речи. М. 1969; Она же. О культурной работе в деревне // Народное просвещение. 1924. № 6–7; Она же. Ленинские установки в области культуры. М., 1934; Луначарский А. В. Мораль с марксистской точки зрения. Севастополь, 1925.

² Бродский Н. Л., Дзюбинский С. Н., Мирский Л. С. Крестьянин в XX веке. М., 1925; Чайнов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Кондратьев Н. Д., Органовский Н. П. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. Вып. 1 / под общ. ред. И. А. Теодоровича. М., 1924; Хрящева А. Н. К вопросу об изучении русского крестьянства // На аграрном фронте. 1925. № 1; Виталин Г. Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М., 1925; Деборин А. Марксизм и культура // Революция и культура. 1927. № 1; Авербах Л. На путях культурной революции. М., 1929; Медынский Е. Н. Внешкольное образование в РСФСР: статистический обзор. М., 1923; Он же. Энциклопедия внешкольного образования. М.; Л., 1925; Внешкольное дело: сб. статей по вопросам образования. Пг., 1924; Буров Л. А. Рабочие общества для шефства над деревней. М., 1925; Кравченко А. Политико-просветительная работа в деревне и комсомол. М.; Л., 1925; Окулова Г. И. Общественность в культурном строительстве. М., 1930; Зеленко В. А. Практика внешкольного образования в России. М.; Пг., 1923; Бобрышев Н. Компания по ликвидации безграмотности // Народное просвещение. 1924. № 2; Бондарев Д. А. Ликвидация неграмотности. Цифры, факты, перспективы. М.; Л., 1929; и др.

но-экономическое состояние, так и разные стороны социокультурной действительности деревни.

Проблемы крестьянского социально-психологического облика затрагиваются в серии сборников, явившихся результатом деятельности «новой этнографии», идейным основоположником которой являлся упоминавшийся нами В. Г. Тан-Богораз¹. Наряду с использованием богатого фактического материала в ряде работ ученых-исследователей и советских работников периода нэпа появляется тенденция осмысления происходивших социокультурных явлений, их исторического значения, стремление дать им оценку². Так, анализ мероприятий советской власти в социокультурной сфере с выраженных классовых позиций представлен в работах деятелей культурного фронта Л. Авербаха, А. Деборина, П. Керженцева³.

Работы 1920-х гг. отличают агитационно-пропагандистский характер, стремление обосновать проводимую государством политику, рекомендации по повышению ее результативности. Наряду с этим авторы стремились связать вековые чаяния крестьянства с изменениями, производимыми в деревне новой властью⁴. Проблеме реакции сельского населения на внедряемые новшества посвящена работа А. Ангарова, написанная с использованием богатого фактического материала⁵.

В 1920-е гг. большое распространение в Среднем Поволжье получила краеведческая литература, имевшая преимущественно справочный характер⁶.

Научная ценность литературы 1920-х гг. состоит в том, что она представляет собой взгляд современников – теоретиков, организаторов, исполнителей, участников культурных преобразований – на состояние нэповской деревни, первые попытки обобщения и си-

¹ Старый и новый быт: сб. / под ред. В. Г. Тан-Богораз. Л., 1924; Обновленная деревня. Л., 1925.

² Росницкий Н. А. Полгода в деревне. Основные итоги обследования 28 волостей Пензенской губернии. Пенза, 1925; Голубых М. Очерки глухой деревни. М.; Л., 1926; Большаков А. М. Деревня. 1917–1927. М., 1927.

³ Авербах Л. Спорные вопросы культурной революции. М., 1929; Керженцев П. Человек новой эпохи // Революция и культура. 1927. № 3–4; Витолин Г. Указ. соч.; Деборин, А. Указ. соч.

⁴ Яковлев Я. А. Деревня как она есть. М., 1923; Лацис М. И. 10 лет борьбы за новую деревню. М., 1927; Мурин В. А. Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1925; Большаков А. М. Очерки деревни СССР. 1917–1928. М., 1928.

⁵ Ангаров А. Классовая борьба в советской деревне. М., 1929.

⁶ Алексеев В., Панов М. 10 лет культурного и хозяйственного развития. Ульяновск, 1927; Тизанов С. С., Скворцов Н. А. Культурное состояние Средне-Волжской области. Самара, 1929.

стематизации происходящего. В этом кроется и ее недостаток: для объективной исторической оценки событий требуется определенный временной интервал. Литература 1920-х гг. отражала черты своего времени. Для нее были характерны различные точки зрения, борьба мнений, критика, дискуссионность, поиск решений. На содержание этих работ оказали влияние демократический дух нэпа и, одновременно, зарождение идеологического диктата партии и государства.

На протяжении условно выделенного нами второго историографического периода – 1930-е – середина 1950-х гг. – активного изучения проблемы не велось. Сформировавшаяся тоталитарная система сковывала инициативу ученых, объективному исследованию социокультурных проблем препятствовала доминирующая в исторической науке концепция классовой борьбы, отраженная в кратком курсе истории ВКП(б)¹, через призму которой рассматривалась вся история². Методологической основой научных исследований стали сталинские работы. Кроме того, историки были лишены источниковой базы, так как архивные фонды были закрыты для исследователей.

На общем фоне приостановилось изучение истории Среднего Поволжья. Отдельные работы этого периода, ознаменовывая юбилейные даты советской истории, не имели черт подлинного научного исследования³. Работы 1930–1940-х гг., многие из которых были написаны партийными и государственными деятелями 1920-х гг., замалчивали трудности и просчеты социокультурной политики, декларируя успехи преобразований в деревне.

Вторая половина 1950 – первая половина 1980-х гг. – новый период в историографии социокультурной политики нэпа в деревне. Да и не только этой проблемы. Смена руководства страны, решения XX съезда партии вдохнули новую жизнь в историческую науку, дали историкам возможность постепенно избавиться от особо одиоз-

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1945.

² Ножницкий Г. О. Борьба масс за культминимум. М.; Л., 1930; Панфилов В. Н. О подборе и расстановке кадров культурного строительства. М.; Л., 1931; Юдин Л. Ф. Марксизм-ленинизм о культуре и культурной революции. М., 1933; Анисимов Н. Советское крестьянство. М., 1947; Абросенко К. О социалистическом перевоспитании крестьянства. М., 1949; Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954; Иванова А. М. Что сделала советская власть по ликвидации неграмотности среди взрослых. М., 1949; Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922 гг.). М., 1954.

³ Белькович Н. Н. Социально-культурное строительство в РСФСР. М., 1938; Семашко Н. А. Культурное строительство в СССР. М., 1934; Наякшин К. Я. Культурное строительство в Куйбышевской области за 30 лет. Куйбышев. 1947; Кравченко А. О культурной работе за 15 лет // Политпросветработа. 1942. № 19–20.

ных догматов сталинской эпохи, вести более объективную и полную разработку проблем на основе расширившейся источниковой базы. Однако влияние теоретических приемов, господствовавших в исторической науке в 1930 – первой половине 1950-х гг., сохранялось. Так, партийные документы не подвергались критическому анализу, а воспринимались как объективный исторический источник, что обусловило устойчивость многих научных «штампов», их длительное нахождение в исторической науке.

Труды этого периода посвящены истории культурного строительства в целом, а также отдельным его направлениям. Вопросы истории культуры крестьянского населения рассматривались в контексте этой проблемы¹. В работах данного периода предлагались различные варианты периодизации культурной политики, выделения ее форм и методов. Культурная работа большинством авторов неразрывно связывалась с политическим просвещением населения², рассматривалась через последнее. Почти во всех работах по истории культуры ведущая роль в культурном строительстве на селе отводилась рабочему классу³.

Фундаментальные труды В. П. Данилова, написанные на богатом источниковом материале с использованием разнообразных методов

¹ Ким М. П. Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР. М., 1955; Он же. 40 лет советской культуре. М., 1957; Карпов Г. Г. Партия и культурная революция в СССР. М., 1957; КПСС во главе культурной революции в СССР. М., 1958; Элькина Д. Ю. На культурном фронте. Из истории борьбы за ликвидацию неграмотности в СССР. М., 1959; Спектор Н. П. Партия – организатор шефства рабочих над деревней (1923–1933 гг.). М., 1957; Арнольдов А. И. Социализм и культурная революция (некоторые философские проблемы культурной революции). М., 1967; Злобин Н. С. О сущности и принципах периодизации культурной революции // Культурная революция в СССР. М., 1967; Смирнова И. С. Ленин и советская культура. М., 1960; Горбунов В. В. Ленин и социалистическая культура. М., 1972; Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность. М., 1967; Ремизова Т. А. Культурно-просветительная работа в РСФСР в 1921–1925 гг. М., 1962; Сталлиферовская С. Н. Культурно-просветительная работа в деревне (1924–1925 гг.) // Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968; Проблемы истории советского крестьянства: сб. ст. М., 1981; Андреева М. С. Н. К. Крупская и культурно-просветительная работа в деревне. М., 1968; Митяева О. И. Коммунистическая партия – руководитель культурным ростом крестьян в годы коллективизации. М., 1978; Денисов С. Г. Борьба партии за культурное преобразование деревни (1917–1937): Исторический очерк. М., 1981; и др.

² Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в области культуры в первой половине 20-х годов // Очерки истории партийного руководства культурным строительством в СССР. 1921–1925 гг. Ростов, 1982; Милова И. В. Агитационная работа партии среди рабочих масс при переходе к НЭПу // Вопросы истории КПСС. 1972. № 11.

³ Роль рабочего класса в развитии советской культуры. М., 1976; Культурно-шефская работа на селе. М., 1975.

научного исследования, посвящены анализу социальной политики советского государства, содержат ценный материал по социальной структуре сельского населения¹.

Крестьянская повседневность нашла отражение в историко-социологическом очерке В. Б. Островского². В духе официальной идеологии автором было высказано предложение о переселении жителей мелких деревень в более крупные в целях сближения сельского и городского быта³.

Занимаясь изучением аграрной истории советской деревни, многие историки затрагивали в своих трудах социокультурные аспекты крестьянской жизни⁴.

Различным проблемам в области культурных преобразований в Среднем Поволжье посвящен ряд изданий, достаточно содержательных по своей информативной составляющей⁵. Их появление свидетельствовало о возрождении краеведческих исследований.

Проблемам регионального культурного строительства была посвящена серия юбилейных работ⁶. Предметом исследования историков в этот период становились и отдельные социокультурные проблемы нэпа⁷.

¹ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

² Островский В. Б. Колхозное крестьянство в СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967.

³ Проблемы истории советского крестьянства / отв. ред. М. П. Ким. М., 1981.

⁴ Данилов В. П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство. М., 1978; Зеленин И. Е. Совхозы и первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг. М., 1972; Островский В. Б. Указ. соч.

⁵ История индустриализации Среднего Поволжья (1926–1941): сб. док. и мат. Куйбышев, 1974; Наш край: док. и мат. 1917–1974: в 2 ч. Ульяновск, 1977; Достижения культуры – народу: культурное строительство в Ульяновской области. 1917–1975: док. и мат. Саратов, 1979; Культурное строительство в Куйбышевской области (1917–1937): сб. док. Куйбышев, 1979.

⁶ Герасин В. Ф. По пути, указанному партией. Развитие экономики и культурное строительство в Ульяновской области за 40 лет советской власти. Куйбышев, 1957; Край Ильича за 50 лет. Ульяновск, 1967; Куйбышевская область: Историко-экономический очерк / под ред. В. Ф. Снегирева. Куйбышев, 1967; Куйбышевская область: Историко-экономический очерк / под ред. Л. В. Храмова К. Я. Наякшина Ф. Г. Попова. Куйбышев, 1977.

⁷ Биргер Л. И. Из истории борьбы за ликвидацию неграмотности взрослого населения Самарской губернии в первые годы Советской власти (1917–1927). Депонир. в ИНИОН АН СССР. № 6222 от 10.09.1980; Гомжин В. Ф. Культурно-просветительная работа на селе Среднего Поволжья в годы первой пятилетки (1928–1932): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1965; Кавлис А. А. Культурно-просветительная деятельность самарских профсоюзов в восстановительный период (1921–1925) // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1973.

Труды этого периода отличаются методологической одностороностью, носят историко-партийный характер; в них подчеркивается ведущая роль КПСС в преобразованиях советского общества, анализируется главным образом положительный опыт советского государства.

Вместе с тем в этот период появляется немало фундаментальных работ, явившихся следствием научных дискуссий о понимании культуры как предмета исторического исследования¹. К их числу относится монография В. А. Козлова, в которой автор рассматривает крестьянство как объект государственного воздействия и субъект культурного процесса². Большинство работ дают описание и характеристику процессу реализации основных направлений социокультурной политики государства, их формам, методам, количественным показателям, рассматривая вопросы политики и культуры в тесной взаимосвязи.

Однако авторы обходили вниманием проблемы усвоения внедряемых культурных ценностей со стороны крестьянского социума, не рассматривали роль и значение традиционной культуры в жизни деревенского населения, сосредоточиваясь на успехах в культурном строительстве. В исследованиях второй половины 1950 – первой половины 1980-х гг. отсутствовал критический анализ культурной политики советского государства, многие социокультурные проблемы вовсе не нашли отражения. Только к середине 1980-х гг. многие историки приходят к выводу о необходимости комплексного исследования социокультурной жизни деревни как выражения духовной сущности крестьянства.

Вторая половина 1980-х гг. в исторической науке ознаменовалась поиском новых концептуальных и методологических подходов, вызванных, по справедливому замечанию И. Б. Орлова, политическими изменениями в стране³. Этому историографическому периоду присуще углубление и расширение проблематики исследований; в научный оборот были включены новые источники. Плюрализация

¹ Ким П. М. О культуре как о предмете исторического изучения // Вопросы истории. 1973. № 11; Ермаков В. Т. Советская культура как предмет исторического исследования // Там же.

² Козлов В. А. Человек революционной эпохи: о методологии исторического исследования // Советская культура: история и современность. М., 1983; Он же. Культурная революция и крестьянство. 1921–1927 гг. (По материалам Европейской части РСФСР). М., 1983; Козлов В. А., Попов Н. И. Проблема культурной революции и Советского крестьянства в исторической литературе // Вопросы истории. 1981. № 12.

³ Орлов И. Б. Современная отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1.

и демократизация российского общества отразилась и на науке, в которой обозначилась целая палитра диаметрально противоположных подходов и позиций относительно социокультурных процессов в деревне. Согласно одной из них политика 1920-х гг. в социокультурной сфере не имела никакого позитивного содержания и результатов¹.

Труды ряда историков представляют собой попытки учесть все сложности и противоречия нэповского периода. Объективным следствием такого подхода стали неоднозначные выводы и оценки влияния государственной политики на социокультурный облик крестьянства². Выводы предшествующего историографического периода были реализованы в совместных работах В. А. Козлова и И. А. Головань, представляющих большой научный интерес³. Безусловная ценность этих работ заключается в том, что авторам удалось воссоздать социально-психологический климат советской деревни.

Несомненно, знаковым событием для крестьяноведения стало издание «Истории советского крестьянства», обобщающего накопленный материал⁴.

Большой интерес представляет монография П. С. Кабытова, В. А. Козлова, Б. Г. Литвака, написанная на общероссийских материалах⁵. Данное исследование – своего рода социальная биография

¹ Ланщиков А. П., Салуцкий А. С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. М., 1990; Лурье С. В. Как погибла крестьянская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993.

² Ермаков В. Г. Некоторые проблемы современной историографии советской культуры // Вопросы истории и историографии социалистической культуры: сб. статей. М., 1987; Кузьмин М. Н. К проблеме социокультурных предпосылок социализма // Вопросы истории и историографии социалистической культуры. М., 1987; Козлов В. А. Социалистическая революция и человек // Коммунист. 1988. № 4; Красильников С. А., Лисе Л. Ф., Соскин В. А., Илизаров Б. С. Культурная революция и духовный прогресс // Историки спорят. 13 бесед. М., 1989; Горбунов В. В. Духовный мир социализма // Ленинская концепция социализма. М., 1990; Галин С. А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.). М., 1990; Вербицкая О. М. Крестьянская семья в 1920–1950-е годы // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994; Никольский С. А. Власть и земля. М., 1990; и др.

³ Козлов В. А., Головань И. А. Изменения в духовном облике народных масс: итоги первого десятилетия // Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917–1927 гг. М., 1985; Они же. Советская культура в реконструктивный период. 1928–1941 гг. М., 1988.

⁴ История советского крестьянства: в 5 т. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. Т. 1; Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. Т. 2. М., 1986.

⁵ Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988.

крестьянства, в которую органично вплетены живые свидетельства эпохи: письма, мемуары, высказывания. Социокультурным аспектам советского курса в деревне посвящена работа В. А. Козлова и О. В. Хлевнюка¹.

Комплексному рассмотрению сущности советской культуры с концептуально новых позиций посвящены работы В. Л. Соскина².

Проблемам крестьянской ментальности и ее связи с реакцией сопротивления крестьян, внедряемым государством социокультурным новациям была посвящена международная конференция «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)»³, на которой выступили ведущие крестьяноведы: В. П. Данилов, К. Б. Литвак, В. В. Кондрашин, И. Е. Кознова и др., чьи исследования в этой области – весомый вклад в историческую науку⁴. Развитию крестьяноведческих исследований послужил ежегодник «Крестьяноведение: Теория. История. Современность»⁵.

Начало XXI в. ознаменовалось серией исследований, посвященных различным проблемам жизни советской деревни⁶. В научный оборот продолжают активно включаться новые источники⁷. В воссоздании живой картины сельской повседневности большое значение для историков приобрели документальные свидетельства современ-

¹ Козлов В. А., Хлевнюк О. В. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х гг. М., 1988.

² Соскин В. Л. НЭП и культура // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991; Он же. Культурная революция: что же у нас было? // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.

³ Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Мат-лы междунар. конф. М., 1994.

⁴ Данилов В. П. Введение. (истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док. и мат.: в 5 т. Май 1927 – ноябрь 1929. Т. 1. М., 1999; Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001; Кознова И. Е. XX век в социальной памяти крестьянства. М., 2000; Литвак К. Б. Жизнь крестьян 20-х годов: современные методы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М., 1994; Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Кобанов В. В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996.

⁵ Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ежегодник / под ред. В. П. Данилова, Т. Шанина. М., 1997.

⁶ Агафонов В. П., Антонов Е. А., Баздырев Г. И. и др. Крестьянство в исторической судьбе России. М., 2001; Еферица Т. В. Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 20-е – 30-е гг. Саранск, 1998; Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследования сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002; Денисова Л. Н. Женщины русских селений: трудовые будни. М., 2003; Она же. Судьба русской крестьянки в XX веке. Брак. Семья. Быт. М., 2007; и др.

⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД 1918–1922: док. и мат. Т. 1. М., 1988; То же. 1923–1929. Т. 2. М., 2000.

ников – корреспонденция крестьян в периодическую печать, органы власти¹.

Среди исследований последних лет, посвященных социокультурной политике нэпа, необходимо отметить монографию В. Л. Соскина², посмертно изданную монографию Ю. П. Шарапова³. В. Л. Соскин в работе представил собственную оценку советской культурной политики. В своей книге Ю. П. Шарапов рассматривает важнейшие вопросы эпохи нэпа, такие как идеологическая политика, взаимоотношения власти и церкви. По мнению автора, 1920-е гг. стали периодом кратковременной «оттепели».

Большую ценность в осмыслении содержания нэповской политики, ее основных проблем имеет подготовленный на основе материалов научной конференции «Экономические, политические и социокультурные аспекты НЭПа» сборник статей, в котором представлено многообразие официальных точек зрения, подходов, мировоззренческих установок авторов, что отражает современное состояние историографии⁴. Названная конференция явилась традиционным продолжением научных форумов, посвященных нэповской тематике, организованных В. П. Дмитренко⁵.

Исследования социальной политики с позиций феноменологического подхода в контексте культуры и в перспективе изучения повседневности представлены в книге «Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность», вышедшей в канун 90-й годовщины Октябрьской революции⁶.

Истории повседневной жизни, социальных отношений и менталитета различных слоев российского общества послереволюционного десятилетия, в том числе крестьян, посвящена работа А. Я. Лившина,

¹ Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996; Письма во власть 1917–1928. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001.

² Соскин В. Л. Российская советская культура 1917–1927 гг.: Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.

³ Шарапов Ю. П. Первая «оттепель». Нэповская Россия в 1921–1928 гг.: Вопросы идеологии и культуры. Размышления историка. М., 2006.

⁴ НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты: сб. науч. статей / отв. ред. А. С. Сенявский. М., 2006.

⁵ Историческое значение новой экономической политики. М., 1971; Историческое значение нэпа. М., 1990; Нэп. Приобретения и потери. М., 1994; Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998; НЭП в контексте истории развития России XX века. М., 2001.

⁶ Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2007.

И. Б. Орлова¹. Научно ценным представляется вывод авторов о том, что тоталитарные черты менталитета советского гражданина имели двойное происхождение: с одной стороны, это архаическая, традиционная культура и соответствующее политическое сознание населения, с другой – появляющиеся признаки становления «идеократического государства», влияние политической пропаганды.

Российское крестьянство в годы нэпа выступает объектом исследования в монографии И. И. Климина². Автор полагает, что значительная часть сельских жителей разуверилась в деятельности местных советских, партийных органов и в политике правительства, коммунистической партии, не выполнивших свои обещания 1917 г. К тому же советская власть ограничивала крестьян в гражданских, политических и социальных правах, лишая права голоса наиболее активную, трудолюбивую, предприимчивую, зажиточную их часть. Автор резюмирует, что во многом благодаря традиционной для крестьянского менталитета терпимости и покорности, ставших фундаментом советского государства, к концу нэпа удалось восстановить экономику страны.

Работа Т. М. Горяевой – директора Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) – посвящена становлению и развитию радиовещания, являвшегося одной из форм культурно-просветительной деятельности и пропаганды советской власти в деревне³.

Социокультурные проблемы советской деревни нашли отражение в трудах региональных историков⁴, позволивших глубже осмыслить исследуемую проблему.

¹ Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002.

² Климин И. И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). СПб., 2007.

³ Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – 1930-х годах: Документированная история. М., 2009.

⁴ Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995; Самосудов В. М., Рачек Л. В. Судьбы людские: Историко-документальный очерк. Омск, 1998; Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997; Соскин В. Л. Культурная жизнь в Сибири в первые годы НЭПа (1921–1925 гг.). Новосибирск, 1973; Кобанов Л. И. Культурные преобразования в Курской области. Воронеж, 1968; Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1977; Дьячков В. Л., Есиков С. А., Канищев В. В., Протасов Л. Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Мат-лы междунар. конф. М., 1996; Безгин В. Б. Крестьянская повседневность: традиции конца XIX – начала XX вв. М.; Тамбов, 2004; Большаков В. П. Крестьянское бытие: Опыты теоретические и исторические. Тюмень, 2008; Токарева Н. А.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
----------------	---

Глава I

Источниковая и методологическая база исследования.

Историография проблемы

§ 1. Источниковая и методологическая база исследования	9
§ 2. Историография проблемы	17

Глава II

Влияние культурно-просветительной политики советского государства периода нэпа на социокультурный облик крестьянства Среднего Поволжья

§ 1. Реализация антирелигиозной политики советского государства и отношение к ней крестьянства	34
§ 2. Борьба с неграмотностью и малограмотностью в средневожской деревне	72
§ 3. Культурно-массовая работа в крестьянской среде.....	94

Глава III

Политика советской власти в области организации и формирования системы здравоохранения, охраны материнства и детства и ее роль в переустройстве крестьянского быта

§ 1. Развитие системы здравоохранения, распространение медицинских знаний и изменение традиционных представлений крестьян в сфере санитарной культуры.....	125
§ 2. Мероприятия советской власти в области охраны материнства и детства и их реализация в средневожской деревне	160

Заключение.....	177
Послесловие	187
Список использованных источников и литературы	188
Приложения	225